

ТОМ ПЕРРОТТА

«Оставленные» — это, в двух словах, лучший эпизод «Сумеречной зоны»,
который вы никогда не видели.

СТИВЕН КИНГ

МЫ ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ

ОСТАВЛЕННЫЕ

Том Перротта

Оставленные

Текст предоставлен правообладателю

<https://litres.ru/6655073>

Оставленные/ Том Перротта; пер. с англ. И. Новоселецкой: АСТ;

Москва; 2015

ISBN 978-5-17-092390-8

Аннотация

Что, если бы прямо здесь и сейчас некоторые из нас (тысячи, десятки тысяч, миллионы людей)... исчезли? Испарились, развеялись, провалились сквозь землю? Кто-то бы решил, что это – похищение... Кто-то бы пал духом... А кто-то бы продолжал жить, как и прежде, будто ничего и не случилось. 14 октября что-то случилось в небольшом городке Мейплтон, когда сотни его жителей внезапно пропали без вести. Никаких догадок, никаких зацепок. Все, кто остались, – в недоумении, страхе и растерянности. Ведь самое страшное – неизвестность. Мэр города Кевин Гарви всеми силами старается восстановить порядок и помочь тем, кто потерял родных и людей, даже несмотря на то, что его семья развалилась после так называемого «Внезапного исчезновения». Его жена Лори вступила в секту «Виноватые»; их сын Том бросил учебу в университете и стал последователем некоего святого Уэйна. Лишь

дочь Кевина Джил до сих пор живет с ним в одном доме, хотя она изменилась до неузнаваемости...</p>

Содержание

Пролог	6
Часть 1	18
День героев	18
Если б все в классе были такие, как Джилл	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Том Перротта

Оставленные

Посвящается Нине и Люку

От автора

Мне крупно повезло, что я могу выразить благодарность своим бессменным помощникам – Элизабет Биэр, Марии Масси, Дори Вейнтрауб и Сильвии Рабино – за то, что они сопровождали и наставляли меня в этом Внезапном исчезновении. Я также признателен Мэри, Нине и Люку за каждый прожитый день.

Пролог

Лори Гарви не привили с детства веру в Восхищение Церкви¹. Ее вообще мало во что научили верить, кроме того, что любая вера сама по себе – нелепость.

«Мы агностики, – повторяла она своим детям, когда те были еще маленькими и им нужно было как-то обозначить себя перед своими друзьями – католиками, иудеями, унитариями². – Нам не ведомо, есть ли Бог на свете, и этого не знает никто. Пусть многие уверяют, что Бог существует, но наверняка об этом никому не известно».

О доктрине Восхищения Церкви она впервые услышала на первом курсе университета – на «Введении в мировые религии». Явление, которое описывал преподаватель, она восприняла, как шутку: толпы христиан, выплывая из своих одежд, сквозь крыши собственных домов и автомобилей, поднимаются в небеса навстречу Иисусу, а все остальное человечество стоит, разинув рты, недоумевая, куда это подались все хорошие люди. Теология оставалась для нее темным лесом, даже после того, как она прочла в учебнике раздел

¹ Восхищение Церкви – под «Восхищением» подразумевают вознесение Церкви (христиан) для встречи с Христом перед вторым пришествием. Прим. переводчика.

² Унитариянство – движение в протестантизме, основанное на неприятии догмата о Троице, учении о грехопадении и таинствах. Прим. переводчика.

«Премилленарный диспенсационализм» – всю эту белиберду про Армагеддон, антихриста и Четырех всадников Апокалипсиса. Это показалось ей своего рода религиозным китчем, таким же вульгарным, как аляпистые картины на черном бархате. Выдумка для тех, кто потребляет слишком много фаст-фуда, лупит своих детей и абсолютно уверен в том, что их любящий боженька изобрел СПИД для того, чтобы наказать гомосексуалистов. И теперь всегда, на протяжении всех этих лет, случайно замечая в аэропорту или в поезде кого-то с книгой из серии «Оставленные»³, она каждый раз смотрела на этих несчастных с жалостью и даже с некоторым умилением: бедолаги, не нашли ничего более достойного для чтения, более интересного занятия, чем читать и грезить о конце света.

А потом это произошло. Сбылось библейское пророчество. По крайней мере, отчасти. Исчезли люди. Миллионы людей по всей планете, в один день и час. И это вам не какое-то древнее предание (человек воскрес из мертвых в эпоху Римской империи) или сомнительная легенда «местного производства» (Джозеф Смит⁴, побеседовав с ангелом божьим, откопал золотые скрижали⁵ на холме в штате Нью-

³ «Оставленные» (Left Behind) – цикл из 16 романов-бестселлеров о конце света (1995–2007), созданный Тимом Ла Хэем и Джерри Дженкинсом.

⁴ Джозеф Смит (1805–1844) – американский религиозный деятель, основатель и первый президент Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, основатель движения Святых последних дней, кандидат в президенты США (1944).

⁵ Речь идет о «Книге Мормона» – священном тексте движения Святых послед-

Йорк).

Это произошло на самом деле. Восхищение Церкви случилось в ее родном городе, где среди прочих, вознеслась и дочь ее лучшей подруги. В это время Лори находилась у них дома. Господне вторжение в ее жизнь, пожалуй, не было бы столь очевидным, даже если бы Он сам обратился к ней в виде неопалимой купины.

По крайней мере, так можно было бы подумать. Но все же, после всего произошедшего, она еще многие недели и месяцы цеплялась за свои сомнения, как за спасательный круг, отчаянно соглашаясь с учеными, экспертами и политиками, которые упорно твердили, что причина того, что они называли «Внезапным исчезновением», не установлена, и просили не делать поспешных выводов до опубликования официальных результатов расследования, проводимого беспристрастной правительственной комиссией.

– Произошла трагедия, – снова и снова повторяли эксперты. – Это феномен, безусловно, похож на Восхищение Церкви. Но это событие вряд ли можно расценивать, как само Восхищение.

Примечательно, что среди тех, кто особенно яростно на этом настаивал, были сами христиане, которые не могли не заметить, что многие из исчезнувших Четырнадцатого ок-

них дней, который, по мнению верующих, содержит писания древних пророков, живших на американском континенте приблизительно с 2200 г. до н. э. по 421 г. Впервые опубликован в марте 1830 г. Джозефом Смитом-младшим.

тября – индуисты и буддисты, мусульмане и иудеи, атеисты и анимисты⁶, гомосексуалисты и эскимосы, мормоны и зороастрийцы, и еще бог знает кто, – не признавали Иисуса Христа в качестве своего личного спасителя. Насколько можно судить, это была случайная жатва, а истинное Восхищение никак не могло быть случайным. Ведь суть этого явления в том, что оно должно отделить зерна от плевел, вознаградить истинно верующих и стать предостережением для всех остальных. А случайное Восхищение всех без разбору, – это вовсе не Восхищение.

Как тут не впасть в замешательство и, всплеснув руками, не заявить, что ты понятия не имеешь, что происходит? Но Лори понимала. В глубине души, как только это случилось, она сразу *поняла*. Ее оставили. Их всех оставили. И неважно, что, принимая решение, Господь не учел признак вероисповедания – от этого, пожалуй, было еще обиднее, как будто тебя забраковали. И все же она предпочла игнорировать эту мысль, запихнув ее в дальний уголок сознания – в темное хранилище фактов и обстоятельств, думать о которых невыносимо, – в то самое место, где она прятала мысль о неизбежности смерти, – чтобы жить, не впадая в депрессию каждый божий день.

К тому же это было хлопотное время – те первые месяцы после Восхищения: в школе Мейплтона отменили занятия,

⁶ Верующий в существование души и духов, в одушевленность природы (от греч. *Аnіma* – душа). Прим. ред.

ее дочь постоянно сидела дома, да и сын вернулся из университета. Нужно было, как и раньше, ходить по магазинам, стирать, готовить, мыть посуду. А также посещать поминальные службы, принимать участие в создании слайд-шоу, утешать скорбящих, вести изматывающие беседы. Лори много времени проводила с несчастной Розали Сассман – заходила к ней почти каждое утро, пыталась помочь совладать с неизмеримым горем. Иногда они говорили о Джен, ее отошедшей в мир иной дочери – о том, какая она была милая девочка, улыбочивая и т. д. и т. п., – но чаще просто сидели молча. В глубоком молчании, которое их совершенно не смущало. Казалось, нет таких важных слов, ради которых стоило бы нарушать тишину.

* * *

Следующей осенью на улицах появились они. Люди в белых одеждах. Они ходили парами – мужчина с мужчиной, женщина с женщиной, и постоянно курили.

Некоторых Лори знала: Барбару Сантанджело, чей сын был одноклассником ее дочери; Марти Пауэрс, когда-то игравшего в софтбол с ее мужем (во время Восхищения или что там это было исчезла его жена). Обычно они не обращали на вас внимания, но порой ходили за вами по пятам, словно частные детективы, нанятые для того, чтобы следить за каждым вашим шагом. Если вы с ними здоровались, ответом

были пустые глаза; если их о чем-то спрашивали, в ответ они вручали визитку на одной стороне которой был текст следующего содержания:

Мы – члены организации «виноватые».

Мы приняли обет молчания.

Мы стоим перед вами, как живое напоминание грандиозного могущества господа.

Нас постигла божья кара.

На другой стороне мелким шрифтом был набран адрес Интернет-сайта, где можно было получить дополнительную информацию: www.vinovatie.com.

Это была странная осень. После трагедии миновал целый год; уцелевшие выдержали удар и, к своему удивлению, обнаружили, что они все еще стоят на ногах, хотя некоторых подкосило чуть сильнее, чем остальных. Мало-помалу, неуверенно, жизнь стала налаживаться. Снова открылись школы, многие вернулись на работу. По выходным в парке дети играли в футбол, а в Хэллоуин кое-кто из них даже ходил по домам, выпрашивая сладости. Чувствовалось, что прежний уклад восстанавливается, жизнь возвращается на круги своя.

Но самой Лори никак не удавалось вернуть свою жизнь в привычную колею. Ей приходилось опекать Розали, к тому же она очень беспокоилась за своих детей. Том снова отправился в университет, чтобы приступить к учебе в весеннем семестре, но попал под влияние некоего святого Уэйна

– сомнительного типа, объявившего себя «пророком-цели-телем», забросил занятия и отказался возвращаться домой. Позвонил раза два за все лето, давая знать, что он жив-здоров, но не сказал, ни где он, ни чем занимается. Джилл боролась с депрессией и посттравматическим стрессом – вполне естественно, что она впала в угнетенное состояние, ведь Джен Сассман была ее лучшей подругой с детского сада, – но она не желала обсуждать это ни с Лори, ни с психотерапевтом. Зато муж ее, казалось, просто брызжет оптимизмом, у него всегда исключительно хорошие новости. Бизнес процветает, погода отличная, только что меньше чем за час пробежал шесть миль, хотите верьте, хотите нет.

– А ты? – спрашивал Кевин, без тени смущения, стоя перед ней в обтягивающих тренировочных штанах, со здоровым румянцем на покрытом испариной лице. – Чем ты занималась целый день?

– Я? Помогала Розали оформлять памятный альбом. Он скорчил гримасу, выражая одновременно неодобрение и снисходительность.

– Она его еще не доделала, что ли?

– И не хочет доделывать. Сегодня мы подбирали фотоматериал на тему, как Джен занималась плаванием. На фотографиях видно, как девочка растет и взрослеет из года в год, как меняется ее фигура в синем купальнике. Сердце кровью обливается.

– Угу. – Кевин налил в стакан ледяной воды из кулера,

встроенного в холодильник. По его тону было ясно, что он ее не слушает. Лори знала, что муж давно утратил интерес к теме Джен Сассман. – Что на ужин?

* * *

Нельзя сказать, что Лори была шокирована, когда Розали объявила о своем намерении присоединиться к секте «Виноватых». Люди в белом пленили ее воображение с первого взгляда. Розали часто вслух задавалась вопросом, трудно ли будет хранить обет молчания, особенно если случайно столкнешься с кем-то из старых друзей, кого не встречал много лет.

– На такие случаи наверняка должно быть предусмотрено некоторое послабление, как думаешь?

– Не знаю, – ответила Лори. – Вряд ли. Они же фанатики. Никаких исключений.

– Даже если это твой родной брат, с которым ты не виделась двадцать лет? Неужели даже поздороваться с ним нельзя?

– Откуда мне знать? Спроси у них.

– Как я у них спрошу? Им же запрещено разговаривать.

– Не знаю. Проконсультируйся на сайте.

В ту зиму Розали часто посещала сайт «Виноватых». У нее завязалась тесная онлайн-дружба – очевидно, обет молчания не распространялся на общение по интернету – с ди-

ректором отдела по связям с общественностью, приятной женщиной, которая отвечала на все ее вопросы, развеивала ее сомнения и опасения.

– Ее зовут Конни. Раньше она была дерматологом.

– В самом деле?

– Продала свою практику, а вырученные деньги пожертвовала организации. Так многие поступают. Это предприятие требует немалых средств.

Лори читала статью о «Виноватых» в местной газете и знала, что в их «поселении» на улице Гинкго проживало не менее шестидесяти человек. Комплекс из восьми домов в безвозмездное пользование секте передал застройщик, богатый человек по имени Трой Винсент. Сам Трой Винсент теперь тоже жил там, – как рядовой член организации, без особых привилегий.

– А ты как поступишь? – спросила Лори. – Дом свой продашь?

– Не сразу. У них полагается шестимесячный испытательный срок. До его окончания мне не придется принимать никаких решений.

– Разумно.

Розали покачала головой, словно изумляясь собственному безрассудству. Лори видела, насколько сильно взволнована ее подруга тем, что приняла судьбоносное решение.

– Непривычно будет ходить постоянно в белом. Я бы предпочла синий или серый цвет, или еще какой. Белое мне не

идет.

– Не могу представить, что ты начнешь курить.

– Уф. – Розали поморщилась. Она была убежденным противником курения, из той категории людей, которые яростно машут руками перед своими лицами, заведя дымящуюся сигарету в радиусе двадцати шагов. – Так сразу и не пристрастишься. Но это как причастие, понимаешь? Надо, и все. У тебя нет выбора.

– Бедные твои легкие.

– До рака не доживем. В Библии сказано, что после Восхищения наступают семь лет Великой скорби.

– Но это было не Восхищение, – заметила Лори, убеждая в том и себя, и свою подругу. – Вовсе нет.

– Давай и ты со мной, – тихим, серьезным голосом промолвила Розали. – Мы могли быть соседками по комнате.

– Не могу, – отказалась Лори. – У меня семья. *Семья*. Ей стало не по себе уже оттого, что она вслух произнесла это слово. У Розали семьи как таковой не было. С мужем она давно развелась, кроме Джен, других детей у нее не было. Ее мать и отчим жили в Мичигане, сестра – в Миннеаполисе, но она с ними мало общалась.

– Я так и думала. – Розали чуть заметно передернула плечами от безнадежности. – Но все равно решила попробовать.

Неделей позже Лори привезла подругу на улицу Гинкго. День выдался чудесный: светило солнце, щебетали птицы. Дома поселения поражали своим величием. Это были просторные трехэтажные здания в колониальном стиле. Они размещались на участках площадью в пол-акра каждый. И, наверное, когда их построили, они стоили по миллиону долларов, а то и больше.

– Ничего себе, – изумилась она. – Не слабо.

– Ну да. – Розали нервно улыбнулась. Она была в белом, несла небольшой чемодан: в нем лежали, главным образом, нижнее белье, туалетные принадлежности и еще памятный альбом, над которым она так долго трудилась. – Даже не верится, что я это делаю.

– Если не понравится, сразу звони мне. Я за тобой приеду.

– Думаю, все будет хорошо.

Они поднялись по ступенькам одного из белых зданий. Надпись, сделанная обычной краской над главным входом, гласила: ШТАБ-КВАРТИРА. Лори не пустили, они расстались на крыльце. Лори обняла подругу на прощание, проводила взглядом, когда женщина с бледным добрым лицом – может быть, та самая Кон-ни, бывший дерматолог – повела Розали в дом.

Прошел почти год, прежде чем Лори вернулась на улицу

Гинкго. Это тоже был весенний день, только чуть более прохладный и не такой солнечный. На этот раз она сама была одета в белое и несла небольшой чемодан, не очень тяжелый. В нем лежали только нижнее белье, зубная щетка и альбом с тщательно отобранными фотографиями членов ее семьи – короткая визуальная история людей, которых она любила и покинула.

Часть 1

Третья годовщина

День героев

Погода в день парада выдалась прекрасная – солнечная, теплая не по сезону; небо – как рай на картинках из книг для чтения в воскресной школе. Не так давно многие сочли бы смешным нервно пошутить по этому поводу – *А что, может, глобальное потепление – это не так уж и плохо!* – но теперь мало кто вспоминал о дыре в озоновом слое или о белых медведях, без которых опустел бы белый свет. Оглядываясь назад, нельзя было без усмешки вспомнить, что когда-то все беспокоились о чем-то столь сомнительном и неопределенном – боялись экологической катастрофы, которая, может, произойдет, а, может, и нет, в далеком будущем, после того, как и вы сами, и ваши дети, и дети ваших детей проживете отведенный вам срок на земле и отбудете туда, куда там обычно отправляются в конце жизненного пути.

Несмотря на то, что все утро его терзала тревога, сейчас мэр Кевин Гарви к своему удивлению осознал, что им вдруг овладела ностальгия, пока он шел по Вашингтонскому бульвару к школьной парковке, месту сбора участников шествия.

До начала парада оставалось полчаса. Колонны уже выстроились, готовые двинуться; оркестр разыгрывался, оглашая округу какофонией нестройных звуков – бляением и гудением духовых инструментов, вялой барабанной дробью.

Кевин родился и вырос в Мейплтоне и сейчас, сам того не желая, вспоминал парады, проводившиеся Четвертого июля⁷, в ту пору, когда в жизни все было еще относительно ясно и понятно. Полгорода выстраивалось вдоль Мейн-стрит, а вторая половина – члены Малой лиги⁸, скауты обоих полов, калеки из общества «Ветеранов американских зарубежных войн» и члены женского подразделения этой организации – шествовали по дороге. Они приветственно махали зрителям, словно удивляясь их присутствию, будто те оказались на параде по какому-то странному стечению обстоятельств, а не по случаю национального праздника. В памяти Кевина, по крайней мере, эти парады остались как невероятно шумные, сумбурные и невинные празднества: пожарные машины, тубы, исполнители ирландских танцев, жонглеры в расшитых блестками костюмах, в один год даже были храмовники⁹ в фесках, гонявшие на забавных микроавтомоби-

⁷ День независимости США.

⁸ Малая лига (Little League) – объединяет детские бейсбольные команды, организует соревнования повсеместно в США в летнее время. Финансируется местными бизнесменами.

⁹ Храмовники – члены тайного общества, куда принимаются масоны высшего ранга. Известны своей благотворительной деятельностью в пользу детей и передвижным цирком, дающим представления в разных городах.

лях. После – софтбол, пикники, чередой веселых ритуалов, завершающаяся большим фейерверком над озером Филдинг: сотни восторженных лиц обращены к небу, все охают, ахают, ликут, глядя на шутихи, с шипением взмывающие вверх, и медленно расцветающие звездные россыпи, озаряющие темноту. Это напоминало всем и каждому, кто они такие, гражданами какой страны являются и почему все это здорово.

Сегодняшнее мероприятие – точнее, первый ежегодный День Поминовения Исчезнувших Героев, – не обещало быть праздничным. У школы Кевин сразу же ощутил мрачное настроение горожан. Невидимая дымка застоялого горя и хронического потрясения уплотняла воздух, заставляя людей говорить тише, двигаться осторожнее, чем это обычно бывало на больших сборищах под открытым небом. С другой стороны, Кевин был одновременно удивлен и обрадован тем, что пришло так много народа, ведь поначалу идея проведения парада была воспринята без особого энтузиазма. Ее противники считали, что момент выбран неподходящий («Еще не время!», – заявляли они), другие утверждали, что светская церемония в память о Четырнадцатом октября – это неверный и, пожалуй, кощунственный шаг. Эти возражения со временем исчезли – то ли организаторы сумели склонить на свою сторону скептиков, то ли просто потому, что народ любил парады, вне зависимости от повода. В общем, принять участие в шествии решили почти все жители Мейплтона. Кевин даже засомневался: кто же будет стоять по обочинам до-

роги и приветствовать демонстрантов, направляющихся по Мейн-стрит к парку Гринуэй?

Зная, что его ждет долгий и трудный день, он, собираясь с силами, на минуту остановился у ограждений, выставленных полицейскими. Куда бы он ни кинул взгляд, на глаза попадались сломленные люди и не зажившие напоминания о трагедии. Он помахал Марте Ридер, некогда весьма общительной женщине, продававшей марки на почте. Она печально улыбнулась ему и повернулась так, чтобы он лучше видел ее самодельный плакат. На нем – большая фотография ее трехлетней внучки, серьезной девочки с кудряшками, в очках, чуть кривовато сидевших на ее лице, и надпись: ЭШЛИ, МОЙ АНГЕЛОЧЕК. Рядом с Мартой Ридер стоял Стэн Уоршберн – полицейский в отставке и бывший тренер Кевина, некогда игравшего в команде футбольной лиги «Папы» Уорнера¹⁰. Коренастый мужчина без шеи, в футболке, обтягивающей его необъятный живот, надпись на которой предлагала всем, кому не все равно: СПРОСИТЕ МЕНЯ О БРАТЕ. У Кевина вдруг возникло непреодолимое желание бежать прочь, спрятаться за забором своего дома и весь остаток дня поднимать тяжести или сгребать листья – заниматься в уединении чем-нибудь бездумным, – но этот порыв быстро прошел, как икота или постыдная эротическая фантазия.

Тихо и смиренно вздохнув, он влился в толпу, пожимая

¹⁰ Лига американского футбола для мальчиков 7—15 лет; основана в 1929 г. Названа в честь тренера-новатора Глена Скоуби Уорнера.

руки горожанам, приветствуя их по именам – старательно играя роль местного политика. Бывшая звезда школьной футбольной команды Мейплтона и видный местный бизнесмен – он унаследовал и расширил сеть принадлежавших его семье крупных магазинов спиртных напитков, увеличив втрое доходы компании за пятнадцать лет своего предпринимательства, – Кевин был популярной и заметной фигурой в городе, но мысль о том, чтобы баллотироваться в мэры, никогда не приходила ему в голову. Потом, буквально в минувшем году, ему принесли петицию, под которой стояли подписи двухсот горожан (многих из них он хорошо знал): «Мы, нижеподписавшиеся, отчаянно нуждаемся в лидере, который повел бы нас за собой в эти смутные времена. Пожалуйста, помогите нам вернуть наш город». Тронутый этой просьбой, и сам пребывая в некоторой растерянности – несколькими месяцами раньше он продал свой бизнес за кругленькую сумму и пока еще не решил, чем заняться, – Кевин согласился стать кандидатом в мэры от недавно сформированной политической организации под названием «Партия надежды».

Он одержал уверенную победу на выборах, сместив Рика Малверна. Тот занимал кресло мэра три срока, но утратил доверие избирателей после того, как попытался сжечь свой дом, предприняв, как он сам выражался, акт «ритуального очищения». Попытка не удалась – пожарные, несмотря на его яростные протесты, потушили пожар, – и теперь Рик жил в палатке, которую он поставил в палисаднике, рядом с

обугленными руинами своего пятикомнатного дома в викторианском стиле. От случая к случаю, совершая пробежку по утрам, Кевин встречал своего бывшего соперника, когда тот выходил из палатки – как-то раз вообще в одних лишь полосатых трусах, – и они неловко обменивались приветствиями на погруженной в тишину улице – «Здорóво», «Что нового?», «Как дела?», – просто чтобы дать понять: никаких обид.

Кевин не терпел фамильярности и панибратства, ему очень не нравился этот аспект его новой работы, но он считал, что обязан быть доступным для своих избирателей, даже для злобствующих типов и смутьянов, которые вечно будто из-под земли вырастали перед ним на публичных мероприятиях. Первым из таких на парковке к нему пристал Ральф Сорренто, угрюмый слесарь-сантехник с Сикамор-роуд. Он протиснулся сквозь группу опечаленных женщин в одинаковых розовых футболках и преградил Кевину дорогу.

– *Господин мэ́р*, – протянул Сорренто с ухмылкой, словно в наименовании должности Кевина было нечто потешное. – Хорошо, что я вас встретил. Вы не отвечаете на мои мэ́йлы.
– Доброе утро, Ральф.

Скрестив на груди руки, Сорренто уперся в Кевина немигающим взглядом, в котором сквозили насмешка и презрение. Рослый тучный мужчина, стриженный «ежиком», с неопрятной козлиной бородкой, он был одет в брюки-карго, заляпанные пятнами жира, и утепленную толстовку с капю-

шоном. Даже в столь ранний час – еще не было одиннадцати – от него разило пивом. По всему было видно, что Сорренто нарывається на скандал.

– Сразу говорю, – заявил он неестественно громким голосом, – платить я ничего не буду. Хрен вам.

Речь шла о штрафе в сто долларов, который ему назначили за то, что он застрелил двух бродячих собак, забежавших к нему во двор. Гончая скончалась на месте, но метис овчарки с лабрадором, с пулей в задней ноге, сумел улизнуть. Истекая кровью, он проковылял три квартала и свалился на тротуаре около детского сада на Оук-стрит. Обычно полиция не слишком-то беспокоится из-за застреленных собак – как это ни печально, их убивают с завидной регулярностью, – но несколько дошколят стали свидетелями агонии животного, и жалобы со стороны их родителей и воспитателей заставили власти вынести Сорренто наказание.

– Не выражайся, – предупредил его Кевин, испытывая неловкость от того, что их диалог, он знал, уже начал привлекать внимание окружающих.

Указательным пальцем Сорренто ткнул Кевина в грудь.

– Меня тошнит от этих шавок, гадящих на мой газон.

– Бродячих собак никто не любит, – согласился Кевин. – Но в следующий раз вызови Службу отлова бездомных животных, хорошо?

– Службу отлова? – презрительно фыркнул Сорренто и снова ткнул Кевина в грудь, вдавливая кончик пальца в

кость. – Да они ни черта не делают.

– У них людей не хватает. – Кевин заставил себя любезно улыбнуться. – Они и так стараются, как могут в сложившейся ситуации. Мы все стараемся. Уверен, ты это понимаешь.

Словно в подтверждение того, что он понимает, Сорренто ослабил давление на грудь Кевина. Приблизил к нему свое лицо и, обдавая кислым пивным выхлопом, тихим заговорщицким тоном произнес:

– Сделай мне одолжение, ладно? Передай копам: если им нужны мои деньги, то пусть сами придут и возьмут. Передай, что я буду ждать их с обрезом наготове.

Он ухмыльнулся, пытаясь казаться крутым парнем, но Кевин видел боль в его глазах. Опустошенность и мольба крылись в гневном взгляде Сорренто. Если Кевин правильно помнил, Сорренто потерял дочь, пухленькую девочку лет девяти-десяти. То ли Тиффани, то ли Бритни, как-то так ее звали.

– Передам. – Кевин ободряюще похлопал Сорренто по плечу. – Иди-ка ты домой, отдохни немного.

Сорренто смахнул с себя руку Кевина.

– Не трогай меня.

– Извини.

– Просто передай, что я сказал, ясно, да? Кевин пообещал, что передаст, и поспешил прочь, стараясь игнорировать комок дурного предчувствия, внезапно образовавшийся в животе. В Мейплтоне, в отличие от соседних городов, еще не

было случая, чтобы кто-то спровоцировал полицейских на применение оружия с целью суицида, но Кевин подозревал, что Ральф Сорренто обдумывает эту идею. Его план никуда не годился: у полиции слишком много других забот, более значимых; что им до неоплаченного штрафа за жестокое обращение с животными? Однако, если очень захотеть, можно найти массу других способов спровоцировать конфронтацию. Кевин решил, что надо предупредить начальника полиции: патрульные полицейские должны знать, с кем они имеют дело.

Погруженный в свои мысли, Кевин не замечал, что идет прямо на преподобного Мэтта Джеймисона, бывшего священника Сионской библейской церкви. Опомнился, когда было слишком поздно: свернуть в сторону он уже не успевал. Оставалось только выставить вперед обе ладони в тщетной попытке отмахнуться от бульварной газетенки, что священник совал ему в лицо.

– Возьмите, – настаивал тот. – Здесь такое написано – голову можно потерять.

Понимая, что тактично отказаться не удастся, Кевин неохотно взял газету. В глаза ему сразу бросился яркий, но громоздкий заголовок: «СОБЫТИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ОКТЯБРЯ – ЭТО НЕ ВОСХИЩЕНИЕ ЦЕРКВИ!». На первой полосе была помещена фотография доктора Хиллари Эджерс. Всеми любимый педиатр, она исчезла три года назад, как и еще восемьдесят семь человек из числа местных

жителей и миллионы людей на всей планете. Заголовок под снимком возвещал: «В СТУДЕНЧЕСТВЕ ДОКТОР БЫЛА БИСЕКСУАЛКОЙ!». Ниже заключенная в рамку выдержка из статьи гласила: «“Мы были абсолютно уверены, что она лесбиянка”, – сообщает ее бывшая соседка по комнате».

Кевин был знаком с доктором Эджерс и очень уважал ее. Ее сыновья-близнецы были ровесниками его дочери. Два вечера в неделю она волонтерствовала в бесплатной клинике для детей из малообеспеченных семей, а также выступала перед членами Ассоциации родителей и учителей¹¹, с докладами на темы вроде «Как распознать расстройство пищевого поведения» или «Последствия сотрясения мозга у молодых спортсменов». На стадионе, в супермаркете к ней постоянно кто-нибудь обращался за бесплатным медицинским советом, но она никогда не возмущалась, не выказывала даже легкого раздражения.

– Боже, Мэтт. Зачем это?

Преподобного Джеймисона, казалось, вопрос Кевина весьма озадачил. Когда-то это был подтянутый рыжеволосый мужчина чуть за сорок, но за последние два года лицо его вытянулось и обвисло, под глазами набухли мешки, словно он старел с удвоенной скоростью.

– Эти люди не были героями. И не надо их превозносить, как героев. Сегодняшний парад...

¹¹ Ассоциация родителей и учителей создается в каждой школе и выполняет функции попечительского совета.

– У этой женщины остались дети. Им незачем читать про то, с кем она спала в колледже.

– Но это же правда. Мы не можем скрывать правду.

Кевин понимал, что спорить бесполезно. Все считали Мэтта Джеймисона порядочным человеком, но у него сбились ориентиры. Как и многим благочестивым христианам, Внезапное Исчезновение нанесло ему глубокую психологическую травму. Его терзал страх, что Судный день наступил и миновал, а он все пропустил. Кто-то, оказавшись в таком же положении, что и он, в ответ на трагедию стал еще более набожным, но его преподобие ударился в другую крайность – он принялся яростно отрицать, что четырнадцатого октября состоялось именно Восхищение Церкви. Он доказывал, что не все, сбросившие в тот день земные оковы, были праведными христианами и вообще не отличались особыми добродетелями. В конце концов он стал проводить журналистские расследования, причем с особым рвением, доставляя немало хлопот властям города.

– Ладно, – буркнул Кевин, сворачивая газету и засовывая ее в задний карман. – Посмотрю.

* * *

Шествие началось в начале двенадцатого. Его возглавляла колонна полицейских автомобилей, следом двигалась небольшая армада платформ, представлявших различные

гражданские и коммерческие организации. Главным образом, такие традиционные столпы общества, как Торговая палата Большого Мейплтона, местное отделение «Антинаркотического воспитания» и Клуб пожилых граждан. На двух платформах разыгрывались представления. На одной импровизированной сцене воспитанники Танцевального института Элис Херлихи осторожно исполняли джиттербаг. На другой группа юных каратистов из Школы боевых искусств братьев Девлин, ухая в унисон, показывала приемы, резко выбрасывая перед собой руки и ноги. Случайному зрителю все это показалось бы до боли знакомым, мало чем отличающимся от любого другого парада, проводившегося в городе в последние пятьдесят лет. В замешательство приводила лишь последняя машина в колонне – задрапированная в черное грузовая платформа, на которой не было ни души – только обнаженная говорящая сама за себя пустота.

Кевин, как мэр, занимал место в одном из двух почетных автомобилей с откидным верхом, ехавших за траурной платформой, – в маленькой «мазде», которой управлял его друг и бывший сосед Пит Торн. Они замыкали автоколонну, медленно двигаясь на расстоянии десяти ярдов позади «фиата спайдера», в котором сидела почетная гостья, симпатичная хрупкая женщина по имени Нора Дерст, Четырнадцатого октября потерявшая всю свою семью – мужа и двоих детей, – то есть, по всеобщему признанию, понесшая самую тяжелую утрату из всех жителей Мейплтона. По имеющимся данным,

утром у Норы случился приступ паники, у нее кружилась голова, ее тошнило и ей следовало бы пойти домой, но она преодолела свой страх с помощью сестры и находившегося рядом психотерапевта-волонтера, который был тут как раз на случай такой вот крайней необходимости. Сейчас Нора Дерст, казалось, полностью владела собой, величаво, почти как королева, восседая на заднем сиденье «спайдера», поворачиваясь из стороны в сторону и вяло помахивая рукой в ответ на спорадические взрывы аплодисментов, которыми ее приветствовали зрители, стоявшие вдоль дороги.

– Людей-то сколько! – громко заметил Кевин. – Не ожидал!

– Что? – заорал через плечо Пит.

– Ничего! – так же громко ответил ему Кевин, сообразив, что бесполезно пытаться перекричать оркестр. Духовые шли вплотную к его автомобилю, исполняя энергичную версию темы из полицейского сериала «Гавайи 5.0», причем уже давно, без конца одно и то же; Кевин даже стал сомневаться, знают ли они другие мелодии. Преисполненные нетерпения, музыканты были не в силах сохранять похоронный шаг и постоянно рвались вперед, иногда обгоняя машину Кевина, потом резко подаваясь назад, тем самым, наверняка, сея хаос в рядах пеших демонстрантов, замыкавших торжественную процессию. Кевин изворачивался и так и сяк, пытаясь поверх голов музыкантов разглядеть участников марша, но тех загораживал плотный заслон из бордовой униформы, се-

рзезных молодых лиц с раздувающимися щеками и медных духовых инструментов, сверкающих на солнце как расплавленное золото.

Вон там, сзади, думал он, и есть *настоящий* парад, какого еще никто не видел: сотни простых людей идут небольшими группами, кто-то с плакатами в руках, на других – футболки с изображениями исчезнувших друзей или родных. Он видел этих людей на парковке, вскоре после того, как они разбились на отдельные колонны, и был до того потрясен представшим его взору зрелищем – непреходящим горем огромной массы народа, – что с трудом мог прочесть названия на их транспарантах: «Осиротевшие Четырнадцатого октября», «Союз скорбящих супругов», «Матери и отцы почивших детей», «Объединение обездоленных братьев и сестер», «Мейплтон помнит своих друзей и соседей», «Уцелевшие с Мертл-авеню», «Студенты колледжа Ширли де Сантос», «Нам не хватает Бада Фиппса» и т. д. и т. п. В параде также участвовали несколько традиционных религиозных организаций – Приход Скорбящей Божьей Матери, Храм Бет-Эль, Пресвитерианская церковь св. Иакова все прислали своих представителей, – но они плелись в самом хвосте, почти отдельно от остальных, прямо перед машинами спецпомощи.

* * *

В центре Мейплтона толпились сочувствующие. Улицы

были усыпаны цветами, причем часть из них уже была раздавлена колесами автотранспорта, а оставшиеся скоро затопчут ногами. В числе зрителей было много школьников, но дочери Кевина, Джилл, и ее лучшей подруги Эйми среди них не было. Девочки крепко спали, когда Кевин уходил из дома, – как обычно, они где-то долго гуляли допоздна, – и он не решился их разбудить, еще и потому, что тогда ему пришлось бы смотреть на Эйми: та предпочитала спать в трусиках и тонких полупрозрачных топах, и он, когда видел ее полуобнаженной, не знал, куда девать глаза. За последние полчаса Кевин дважды звонил домой, надеясь, что его звонки поднимут девочек с постели, но те так и не ответили.

С Джилл он на протяжении нескольких недель пререкался по поводу парада – раздраженным полусерьезным тоном. С некоторых пор только в такой манере они и обсуждали все важные вопросы, что между ними возникали. Кевин уговаривал дочь принять участие в марше, чтобы отдать дань памяти ее исчезнувшей подруге Джен, но Джилл была непреклонна.

– Видишь ли, папа, в чем фишка: Джен все равно, пойду я на парад или нет.

– Откуда ты знаешь?

– Ее нет. Значит, ей на все плевать.

– Может быть, – согласился он. – Ну а вдруг она все еще здесь, и мы просто не видим ее?

Джилл, казалось, позабавило предположение отца.

– Это было бы хреново. Она, должно быть, целыми днями машет руками, пытаясь привлечь наше внимание. – Джилл внимательно обвела взглядом кухню, словно высматривая подругу. – Джен, – крикнула она, будто обращалась к глухому деду, – если ты здесь, прости, что я тебя не замечаю. Ты бы кашлянула, что ли. Хоть как-то дай о себе знать.

Кевин сдержал свое возмущение. Джилл знала, что он не в восторге от ее шуточек по поводу пропавших, но, одергивая ее в сотый раз, он бы этим ничего не добился.

– Милая, – тихо сказал он, – этот парад для нас, а не для них.

Джилл остановила на нем взгляд, появившийся у нее с некоторых пор, – взгляд полнейшего непонимания с намеком на женскую снисходительность. И этот ее взгляд был бы еще эффектнее, если б она не обрилась наголо и не подвела так ярко глаза.

– Вот объясни, – попросила она. – Почему для тебя это так важно?

Будь у Кевина достойный ответ на этот вопрос, он с радостью ответил бы дочери. Но дело в том, что он и сам не знал, почему для него это так важно, почему он настаивал, чтобы она пошла на парад, а не махнул на это рукой, как махнул на все остальное, из-за чего они спорили весь последний год: возвращение домой вечерами к определенному времени; бритье наголо, целесообразность фактически круглосуточного общения с Эйми, гулянки до поздней ночи в будние

дни. Джилл было семнадцать, и он понимал, что она, в общем-то, безвозвратно сошла с его орбиты и будет делать, что хочет и когда хочет, независимо от его пожеланий.

И все равно Кевину очень хотелось, чтобы его дочь приняла участие в шествии, продемонстрировала, что она хотя бы признает интересы семьи и общества, все еще любит и уважает отца и сделает что угодно, лишь бы он был счастлив. Джилл прекрасно понимала сложившуюся ситуацию – он был уверен, что она ее понимает, – но почему-то отказывалась пойти ему навстречу. Конечно, ему было обидно и больно, но, злясь на дочь, он всегда машинально находил оправдание ее поступкам: он знал, какой кошмар ей пришлось пережить, а сам он при этом мало чем смог ей помочь.

Джилл была Очевидцем, и Кевин без разъяснений психолога мог бы сказать, что увиденное до конца жизни не будет давать ей покоя. Четырнадцатого октября Джилл тусовалась вместе с Джен. Две смешливые девчужки, они сидели бок о бок на диване, грызли соленые крендельки и смотрели видео на «Ютьюбе». Потом – раз! – и одной из них нет, а вторая заходится в крике. В последующие месяцы, годы люди продолжали исчезать из ее жизни, хотя и не столь драматично. Старший брат бросил университет, но домой так и не вернулся. Мать ушла из семьи, приняв обет молчания. Остался только отец, растерянный человек, который пытается ей помочь, но, что бы он ни сказал, все невпопад. Да и как он может помочь, если сам потерян и сбит с толку, как и она?

Ни злость, ни бунтарство, ни подавленность дочери Кевина не удивляли. Джилл имела полное право и злиться, и бунтовать, и пребывать в депрессии, и делать многое другое. Удивляло его только то, что она еще рядом, по-прежнему живет с ним в одном доме, хотя могла бы запросто сбежать с «босоногими»¹² или сесть в «Грейхаунд» и отправиться в неизвестном направлении. Так поступали многие подростки. Конечно, она теперь выглядела иначе – лысая, с затравленным взглядом, – словно хотела, чтобы даже абсолютно незнакомые люди понимали, как ей плохо. Но порой, когда она улыбалась, у Кевина возникало ощущение, что ее истинное «я» все еще живет в ней, что в сути своей она, каким-то чудом, не изменилась – несмотря ни на что. Именно ту, другую Джилл, – какой ей так и не довелось стать, – он надеялся увидеть утром за завтраком. Ту, а не эту, настоящую, которую он слишком хорошо знал, девочку, которая спит на кровати, свернувшись калачиком, с размазанной косметикой на лице, потому что возвращается домой поздно ночью настолько пьяной или обкуренной, что даже не удосуживается умыться.

Кевин подумывал о том, чтобы позвонить дочери. Шестивое приближалось к Ловелл-террас, престижной улице, заканчивающейся тупиком, куда он со своей семьей переехал пять лет назад – в эпоху, которая теперь казалась далекой и

¹² Босоногие – субкультура, имеющая много общего с движением хиппи. Прим. ред.

нереальной, как «век джаза»¹³. Как бы ни хотелось ему услышать голос Джилл, чувство приличия удержало его от соблазна. Он просто подумал, что мэр, болтающий по мобильному телефону во время парада, – оскорбительное зрелище для горожан. Да и что он ей скажет?

Привет, милая, я проезжаю мимо нашей улицы, а тебя не вижу...

* * *

Еще до того, как его жена ушла к «Виноватым», Кевин, сам того не желая, проникся уважением к этой секте. Два года назад, когда они впервые появились на его горизонте, он по ошибке принял их за один из культов Восхищения Церкви, группу фанатиков-сепаратистов, которые хотят только одного, – чтобы им не мешали скорбеть и медитировать в мире и покое до Второго пришествия или чего там они ждут (их теологические воззрения были ему не совсем ясны, да и им самим, как он подозревал, тоже). Кевин даже был уверен, что есть здравый смысл в том, чтобы убитые горем люди, вроде Розали Сассман, нашли утешение, вступив в их ряды, отрекшись от мира и приняв обет молчания.

Тогда «Виноватые», казалось, возникли из ниоткуда – как спонтанная реакция местных жителей на беспрецедентную

¹³ «Век джаза» – 1920-е годы.

трагедию. Он не сразу понял, что подобные секты формируются по всей стране, объединяясь в общенациональную сеть. Это были относительно самостоятельные организации, следовавшие единым базовым правилам – белая одежда, сигареты, наблюдательные команды из двух человек, – но при этом они были саморегулируемыми: никакого внешнего надзора и стороннего вмешательства в их деятельность не было.

Несмотря на свой монашеский вид, мейплтонское подразделение быстро проявило себя как амбициозная, хорошо слаженная организация, склонная к гражданскому неповиновению и политическим скандалам. Мало того, что они отказывались платить налоги и оплачивать коммунальные услуги, так еще и преступали местные законы, размещая в своем «поселении» на улице Гинкго десятки людей в домах, построенных для одной семьи. Игнорировали судебные приказы и уведомления, возводили баррикады, чтобы не допустить в свои владения представителей власти. Это привело к целому ряду столкновений с полицией, одно из которых закончилось гибелью члена «Виноватых»: тот принялся закидывать камнями полицейских, которые пришли с ордером на обыск, и был застрелен. Неудавшийся рейд вызвал волну сочувствия к «Виноватым». В результате начальник полиции был вынужден уйти в отставку, а тогдашний мэр Малверн утратил поддержку многих избирателей, ведь именно они вдвоем санкционировали проведение той операции.

Заняв пост мэра, Кевин постарался смягчить напряжен-

ность между городом и сектой. Удалось заключить несколько соглашений, позволявших «Виноватым» жить по собственным правилам, не выходя за рамки закона. Взамен те обязались платить небольшие налоги и гарантировали доступ на свою территорию полиции и машинам аварийно-спасательных служб при обстоятельствах, которые были четко оговорены. Перемирие, казалось, сохранялось, но «Виноватые» продолжали досаждать своей непредсказуемостью, время от времени организуя какую-нибудь акцию, чтобы посеять смятение и тревогу среди законопослушных граждан. В этом году в первый учебный день несколько облаченных в белое взрослых устроили сидячую забастовку в начальной школе Кингман, оккупировав одно из помещений второклассников на целое утро. А спустя несколько недель другая группа прямо посреди игры вышла на футбольное поле школьного стадиона. Они разлеглись на газоне и лежали, пока их силой не уволокли с поля рассерженные игроки и зрители.

* * *

Перед Днем Героев муниципалитет на протяжении нескольких месяцев пытался предугадать, что предпримут «Виноватые», чтобы сорвать парад. Кевин высидел два организационных заседания, на которых этот вопрос обсуждался во всех подробностях, и был рассмотрен целый ряд возможных сценариев. Сегодня же он весь день ждал, со странным

сочетанием страха и любопытства, когда же они предпримут свой шаг. Как будто вечеринку нельзя считать состоявшейся, если ее не разогнали.

Но парад прошел без вмешательства сектантов, близилась к концу поминальная служба. Кевин возложил венок к подножию памятника Почившим в парке Гринуэй – зловещей бронзовой скульптуры, изваянной одним из школьных учителей изобразительного искусства. По замыслу, она должна была изображать ребенка, выплывающего из рук изумленной матери и возносящегося к небесам, но полностью его воплотить не удалось. Кевин не очень хорошо разбирался в искусстве, но ему казалось, что ребенок не возносится, а падает, и мать не может его поймать.

После благословения отца Гонсалеса была минута молчания в ознаменование третьей годовщины Внезапного исчезновения, затем отзвонили церковные колокола. Последним пунктом программы было выступление Норы Дерст. Кевин, сидевший на импровизированной сцене среди почетных гостей, забеспокоился, когда она поднялась на трибуну. По собственному опыту он знал, как страшно выступать с речью, сколь искусным и уверенным в себе оратором нужно быть, чтобы владеть вниманием толпы, даже вдвое меньшей, чем эта.

Но Кевин быстро понял, что волнуется напрасно. Публика мгновенно притихла, когда Нора, откашлявшись, пролиставала свои записи. Она была Женщиной, Которая Потеряла

Все, – и ее страдания стали залогом ее авторитета. Ей незачем было завоевывать чье-то внимание или уважение.

Ко всему прочему, оказалось, что у Норы был природный дар оратора. Она говорила размеренно и четко – прямо-таки образцовая речь на занятии по вводному курсу риторики, на которое почему-то допустили поразительно большое количество студентов, – иногда чуть запинаясь, умолкая на мгновение, чтобы ее выступление не казалось заученно гладким. Да и сама Нора была привлекательной женщиной: высокая, стройная, с мягким, но выразительным голосом. Как и многие ее слушатели, на парад она пришла в повседневной одежде, и Кевин осознал, что приклеился взглядом к замысловатой вышивке на заднем кармане ее джинсов, которые сидели на ней как влитые, что редко увидишь на официальных торжественных мероприятиях. Он отметил, что у нее поразительно молодое тело для тридцатипятилетней женщины, родившей двоих детей. *И потерявшей двоих детей*, напомнил он себе и вскинул подбородок, пытаясь сосредоточиться на чем-то более подобающем. Не хватало еще, чтобы на обложке «Вестника Мейплтона» появилась цветная фотография мэра, плящущегося на попу скорбящей матери.

Нора сказала, что поначалу она задумывала свое выступление как речь во славу одного самого лучшего дня в ее жизни. Это было за два месяца до Четырнадцатого октября, во время отпуска, который ее семья проводила на Атлантическом побережье. Ничего особенного в тот день не случилось,

да она тогда и не осознавала всей полноты своего счастья. Понимание пришло позже, после исчезновения ее мужа и детей, когда она долгими бессонными ночами размышляла о том, *чего* она лишилась.

Это был один из чудных дней позднего лета, рассказывала она, когда тепло и ветрено, но уже не настолько солнечно, чтобы все мысли были только о солнцезащитном креме. Дети – Джереми было шесть, а Эрин – четыре; и старше они так и не стали – принялись возводить замок из песка, причем трудились увлеченно, с воодушевлением, с каким ребятня порой выполняет самую пустяковую работу. Нора с мужем сидели на одеяле неподалеку, держась за руки и наблюдая, как эти маленькие серьезные зодчие бегают к воде, набирают в пластмассовые ведерки мокрый песок и возвращаются назад с тяжелой ношей, оттягивающей вниз их тонкие, как спички, ручонки. Дети не улыбались, но их лица светились радостной целеустремленностью. Крепость, которую они строили, была на удивление большой, сложной, и они трудились над ней несколько часов.

– У нас была видеокамера, – сказала Нора, – но мы почему-то даже не подумали включить ее. И я даже в какой-то степени этому рада. Если бы мы засняли тот день на видео, я бы, наверное, умерла от истощения перед телевизором, снова и снова просматривая эту запись.

Однако, думая о том прекрасном дне, Нора вспомнила другой – ужасную субботу в марте предыдущего года, когда

вся ее семья внезапно слегла с острым расстройством пищеварения. Казалось, каждую минуту кого-то рвало, причем не обязательно в унитаз. В доме стояла жуткая вонь, дети рыдали, собака скулила, требуя выпустить ее на улицу. Нора не могла встать с постели: ее знобило, она то и дело проваливалась в забытье. У Дуга состояние было не лучше. В какой-то момент во второй половине дня ей показалось, что она умирает. Когда она поделилась своими страхами с мужем, тот просто кивнул и сказал: «Ладно...». Им всем было так плохо, что никто не сообразил даже снять трубку телефона и вызвать врача. Вечером, когда Эрин, с волосами, склеенными засохшей рвотой, лежала между ними, в спальню пришел Джереми и, со слезами на глазах, показал на свою ногу. «Вуди нагадил в кухне, – пожаловался он. – Вуди нагадил, а я наступил».

– Это был кошмар, – сказала Нора. – Так мы говорили друг другу. *Это суицид ад.*

Они, конечно, пережили весь этот ужас. Через несколько дней все поправились, в доме все вернулось к прежнему порядку. Но с тех пор ту Семейную Тошниловку они считали самым скверным событием в своей жизни, бедствием, которое стало мерилom всего плохого, что происходило с ними в дальнейшем. Если затапливало подвал, или Норе выписывали штраф за парковку в неподобающем месте, или Дуг терял клиента, они всегда напоминали себе, что могло бы быть гораздо хуже.

«Что ж, – говорили мы, – этот не так страшно, как то отравление».

Примерно на этом моменте выступления Норы наконец появились «Виноватые», выйдя скопом из рощицы в западной стороне парка. Их было человек двадцать. Облаченные в белое, они медленно двигались в направлении трибуны. Поначалу казалось, что это беспорядочная толпа, но потом они стали выстраиваться в цепочку, напомнившую Кевину строй поискового отряда. Каждый нес плакат с одной черной буквой. Подойдя достаточно близко к сцене, «Виноватые» остановились и подняли над головами свои плакаты. Неровный ряд букв в их руках сложился в предложение: ХВАТИТ ПОПУСТУ БОЛТАТЬ.

Сердитый ропот прокатился по толпе собравшихся, недовольных вмешательством членов секты и их отношением к мероприятию. На церемонии присутствовала почти вся полиция города, и после минутного замешательства несколько полицейских направились к нарушителям спокойствия. Начальник полиции Роджерс сидел на сцене. Кевин встал со своего места, собираясь посоветоваться с ним, стоит ли вступить в конфронтацию с «Виноватыми», но в этот самый момент Нора обратилась к полицейским:

– Прошу вас, оставьте их в покое. Они никого не трогают.

Полицейские замедлили шаг, а потом, получив сигнал от своего начальника, вернулись на прежние позиции. Со своего места Кевин хорошо видел протестующих. Среди них он

заметил и свою жену. Он не виделся с Лори уже пару месяцев и сейчас был поражен тем, как сильно она похудела, словно ушла жить не в общину культа Восхищения Церкви, а в фитнес-центр. Она заметно поседела – уход за внешностью в секте был не в чести, – но в целом, как ни удивительно, выглядела она молодо. То ли из-за сигареты в зубах – Лори курила, когда они только начали встречаться, – но женщина, что стояла перед ним, держа высоко над головой букву «Т», почему-то больше напоминала ему веселую девушку, которую он знал в университете, а не опечаленную женщину с раздавшейся талией, которая ушла от него полгода назад. Несмотря на обстоятельства, в нем всколыхнулось желание – он почувствовал вполне характерные ощущения в паху.

– Я не жадная, – продолжала Нора, с того места, где ее прервали. – Я не прошу о том идеальном дне на пляже. Дайте мне хотя бы ту ужасную субботу, когда мы все были больны и несчастны, но были живы и вместе. Теперь для меня это все равно что рай. – Впервые с начала выступления ее голос дрогнул. – Да благословит нас Господь – и тех, кто находится здесь, и тех, кого нет. Мы все столько всего пережили.

Толпа захлопала, и пока длились эти продолжительные, демонстративно громкие аплодисменты, Кевин пытался перехватить взгляд жены, но та упорно не смотрела в его сторону. Он убеждал себя, что Лори делает это против своей воли – как-никак она стояла между двумя рослыми бородастыми мужчинами, один из которых чем-то напоминал Нила

Фелтона, бывшего владельца деликатесной пиццерии в центре города. Конечно, куда приятнее думать, что она получила распоряжения от своего начальства не поддаваться соблазну и не вступать в контакт, даже безмолвный, со своим мужем, но в душе он знал, что дело не в этом. Она могла бы взглянуть на него, если б захотела, могла бы, по крайней мере, показать, что видит человека, с которым когда-то клялась прожить всю жизнь. Она просто не хотела.

Позже, размышляя об этом, Кевин задался вопросом, а почему он сам не спустился со сцены, не подошел к ней и не сказал: «Привет, давненько не виделись. Ты хорошо выглядишь. Я по тебе скучаю». Что его останавливало? Но нет, он сидел, ничего не предпринимая, пока люди в белом не опустили свои буквы, не развернулись и снова не скрылись в рощице.

Если б все в классе были такие, как Джилл

Джилл Гарви знала, как легко и просто идеализировать пропавших, воображать их людьми более добродетельными, чем они были на самом деле, людьми, которые во всем превосходили тех неудачников, что остались на земле. Джилл воочию это наблюдала несколько недель подряд после Четырнадцатого октября, когда самые разные люди – в основном, взрослые, но иногда и дети тоже – рассказывали ей всякие бредни о Джен Сассман, хотя та ничем особенным не отличалась – была самой обычной девчонкой, разве что чуть симпатичнее остальных своих сверстниц, но явно не ангел, которому нет места в земном мире, потому что она слишком хороша для него.

«Господь возжелал ее общества, – говорили они. – Ему не хватало ее голубых глаз и прекрасной улыбки».

Они не имели в виду ничего плохого – Джилл это понимала. Поскольку она являлась так называемым Очевидцем, единственным человеком, кто находился в одной комнате с Джен, когда та пропала, к ней зачастую относились с неестественной мягкостью – словно она была скорбящей родственницей, будто они с Джен после ее исчезновения стали сестрами – и с неким необъяснимым почтением. Никто не слушал ее, когда она пыталась возразить, что в действительности

сти она ничего не *увидела* и пребывает в полнейшей растерянности, как и все остальные.

В тот самый момент она смотрела на «Ютьюбе» забавный и в то же время удручающий видеоролик, где маленький мальчик бьет себя по голове и притворяется, что ему не больно. Кажется, она просмотрела его три или четыре раза подряд, и, когда наконец подняла голову, Джен уже не было рядом. Прошло немало времени прежде, чем Джилл осознала, что она вовсе не отлучилась в туалет.

«Бедняжка, – говорили ей. – Для тебя это, должно быть, такой удар, ведь ты потеряла лучшую подругу».

Еще одно заблуждение, в котором Джилл никого никак не могла разубедить. Они с Джен давно уже не были лучшими подругами, если вообще когда-нибудь были ими, в чем Джилл сомневалась. Даже несмотря на то, что почти всегда называли друг друга только: *моя лучшая подруга Джен* или *моя лучшая подруга Джилл*. Лучшими подругами были их матери, а не они. Девочки проводили много времени вместе, потому что у них не было выбора (в этом смысле они действительно были как сестры). Их родители по очереди подвозили их в школу, они частенько ночевали друг у друга, отдыхали вместе со всеми своими семьями и бесчисленное количество часов проторчали перед телевизором и монитором компьютера, убивая время, пока их матери пили чай или вино за кухонным столом.

Их недобровольный союз оказался на удивление продол-

жительным, длился с дошкольного возраста до середины восьмого класса, когда Джен неожиданно и магически не видоизменилась. В один прекрасный день у нее появилось новое тело – во всяком случае, так показалось Джилл, – на следующий день – новая одежда, а еще через день – новые друзья, компания популярных в школе красоток во главе с Хиллари Бирдон, которых прежде, по ее словам, Джен презирала. Когда Джилл поинтересовалась у нее, с чего вдруг ей захотелось общаться с людьми, которых она же сама считала поверхностными и противными, Джен, улыбнувшись, сказала, что на самом деле они очень даже милые, если узнать их поближе.

Джен перед ней не задавалась. Она никогда не лгала Джилл, никогда тайком не высмеивала ее. Она просто постепенно отдалялась, перемещаясь на другую, более престижную орбиту. Джен предприняла формальную попытку приобщить Джилл к своей новой жизни, пригласив ее (скорей всего, по настоянию своей матери) на один день в домик на пляже, принадлежавший семье Джулии Горовиц, но это привело лишь к тому, что пропасть между ними стала еще шире, чем прежде. Джилл, в своем закрытом купальнике, чувствовала себя там чужой, незваной гостьей, невзрачной серой мышкой. В немом замешательстве наблюдала она, как красивые девушки восхищаются бикини друг друга, сравнивают оттенки автозагара и посылают эсэмэски мальчикам с телефонов конфетных расцветок. Особенно ее поразило

то, что Джен чувствовала себя абсолютно комфортно в этой необычной среде, вписалась в нее, как влитая.

– Я понимаю, с этим трудно смириться, – сказала Джилл мама. – Но она расширяет круг общения, и, может быть, тебе это тоже не помешало бы.

То лето – последнее перед трагедией, – казалось, никогда не закончится. Джилл была слишком взрослой, чтобы поехать в лагерь, слишком юной, чтобы работать, и слишком робкой, чтобы снять трубку телефона и позвонить кому-нибудь. Почти все время она торчала в «Фейсбуке», рассматривая фотографии Джен и ее новых подруг, и ей очень хотелось знать, на самом ли деле они такие счастливые, какими хотят казаться. Эти девчонки взяли за обыкновение величать себя Классными Стервами, и это их прозвище фигурировало почти в каждой подписи к тем фотографиям, что они выкладывали в Интернет: *Классные Стервы отрываются; Классные Стервы на «пижамной» вечеринке; Привет, КС, что пьем?* Джилл внимательно читала «анкету» Джен в социальных сетях, отслеживая взлеты и падения ее расцветающего романа с Сэмом Пардо, одним из самых симпатичных парней в их классе.

Джен, держась за руки с Сэмом, смотрит кино.

Джен... ЛУЧШИЙ ПОЦЕЛУЙ В ЖИЗНИ!!!

Джен... самые долгие две недели в моей жизни.

Джен... НУ ЭТО НЕВАЖНО.

Джен... Все Парни – Отстой!

Джен Все прощены! (и еще кое-что).

Джилл пыталась возненавидеть подругу, но у нее никак не получалось. Хотя – зачем? Джен была там, где хотела быть, с людьми, которые ей нравились, делала то, что доставляло ей удовольствие. Разве можно за это ненавидеть? Нужно просто найти способ добиться того же самого для себя самой.

Когда, наконец, наступил сентябрь, Джилл, казалось, что худшее уже позади: школа – чистая доска, прошлое стерто, будущее еще не написано. Сталкиваясь в школьных коридорах, они с Джен просто обменивались «приветами» и расходились в разные стороны. Бывало, Джилл смотрела на нее и думала: «Мы теперь совершенно разные люди».

Четырнадцатого октября они оказались вместе по чистой случайности. Мама Джилл купила пряжу для миссис Сасман – в ту осень их матери увлеклись вязанием – и решила завезти ее к ней домой, а Джилл сидела в машине. По старой привычке она спустилась в комнату Джен в полуподвале. Они вяло перекинулись парой фраз о новых учителях, а потом, когда темы для разговора иссякли, включили компьютер. У Джен на тыльной стороне ладони был записан номер телефона – Джилл заметила это, когда та нажала на кнопку Power, и стала гадать, чей же он, как и этот облупившийся лак на ногтях бывшей подруги. Экранной заставкой у той была фотография, на которой они были запечатлены вместе. Снимок был сделан пару лет назад, зимой, во время сильных снегопадов. Укутанные, розовощекие, смеющиеся,

со скобками на зубах, они с гордостью показывали на снеговика, которого сами слепили. Вместо носа у него была морковка, на шее – шарф, который они ему повязали. Уже тогда, хотя Джен еще не стала ангелом, а сидела рядом с ней, Джилл смотрела на этот снимок, как на некую вещь из глубины эпох, пережиток погибшей цивилизации.

* * *

Лишь после того, как ее мама ушла к «Виноватым», Джилл начала понимать, что отсутствие какого-то человека способно деформировать сознание: оно заставляет преувеличивать его достоинства и преуменьшать недостатки. Конечно, с мамой ситуация была другая, она *неиспарилась*, как Джен, но, по большому счету, это ничего не меняло.

С матерью у нее были сложные, несколько гнетущие взаимоотношения, более близкие, чем это было необходимо им обоим, и у Джилл частенько возникало желание чуть отдалиться от матери, иметь место для самостоятельных маневров.

«Вот поступлю в университет... – думала она раньше. – И мама перестанет все время дышать мне в затылок. Какое ж это будет облегчение».

Но это был естественный порядок вещей: ты взрослеешь, достигаешь определенного возраста и уходишь из дома. Неестественно, когда мать уходит от тебя, перебирается на

другой конец города и поселяется в одном доме с кучкой религиозных психов, прекращая всякое общение с собственной семьей.

Очень долго после ее ухода Джилл по-детски тосковала по маме. Ей не хватало всего, что было в ней, даже того, что обычно сводило ее с ума: это – и фальшивое пение; и настойчивые уверения в том, что макаронные изделия из муки грубого помола такие же вкусные, как обычные; и неспособность следить за сюжетом даже самых примитивных телешоу (*Постойте, это тот же парень или уже другой?*). Приступы острой тоски неожиданно накатывали на нее, отчего она становилась заторможенной, плаксивой и вспыльчивой и свое раздражение неизбежно изливала на отца, что было нечестно по отношению к нему, ведь это не он ее бросил. Пытаясь бороться с этими приступами, Джилл составила список недостатков матери и доставала его каждый раз, когда чувствовала, что в ней начинает шевелиться сентиментальность:

Противный визгливый абсолютно неестественный смех
Ни черта не смыслит в музыке
Безапелляционна и любит с удить
Если повстречает меня на улице, даже не поздоровается
Безобразные солнцезащитные очки
Без ума от Дэвен
Употребляет словечки типа «тарарам» и «канитель»
Достаёт отца с холестерином
Дряблые руки

Бога любит больше, чем собственную семью

И действительно, это помогало, в какой-то степени. А может, она просто свыклась с обстоятельствами. Как бы то ни было, в конце концов Джилл перестала засыпать со слезами на глазах, перестала писать длинные, полные отчаяния письма, умоляя маму вернуться домой, перестала винить себя за то, над чем она не была властна.

«Это ее решение, – научилась она напоминать себе. – Ее никто не заставлял уходить».

* * *

Теперь Джилл скучала по матери только по утрам, когда она еще не совсем проснулась и не совсем примирилась с новым днем. Спускаясь к завтраку, она не видела за столом мамы в махровом сером халате, никто не обнимал ее и не шептал насмешливо и с сочувствием: «Привет, соня». И это было ненормально. Джилл с трудом просыпалась, а мама, не донимая ее болтовней, без излишнего драматизма, давала ей возможность поворчать, постепенно отходя ото сна. Если ей хотелось есть – замечательно; не хотелось – тоже никаких проблем.

Отец, надо отдать ему должное, пытался перенять эстафету, но они просто по-разному смотрели на вещи. Он был из ранних пташек; когда бы она ни встала с постели, он уже

успевал освежиться в душе, был бодр и энергичен, поднимал голову от утренней газеты – как это ни удивительно, по утрам он по-прежнему читал газету, – глядя на нее с легким упреком, словно она опоздала на встречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.